

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. РОНА-ТАШ

ОБЩЕЕ НАСЛЕДИЕ ИЛИ ЗАИМСТВОВАНИЯ?

(К проблеме родства алтайских языков)

Среди многих причин того, что старая проблема родства алтайских языков еще не разрешена и дискутируется весьма остро¹, две являются особенно важными. Первая — историческая. Как сторонники, так и противники генетического родства алтайских языков, признают существование исторических контактов между алтайскими народами и языками после XIII в. Однако те, кто защищает идею генетического родства, склоняются к отрицанию возможности более ранних контактов и считают все соответствия, датируемые периодом до XIII в., общим наследием из протоалтайского языка. В то же время противники генетического родства полагают, что все соответствия, которые возникли ранее XIII в., являются заимствованиями. Они не пытаются при этом дифференцировать различные пласты заимствований и не ставят перед собой вопроса: не может ли древнейший слой этих общих черт быть обусловлен генетическим родством?

Другая причина — методологическая. Соответствия между языками могут быть обусловлены следующими факторами: 1) случайность; 2) типологическое сходство; 3) конвергенция из независимых исходных пунктов; 4) исторические условия. В свою очередь исторические причины многочисленны, и к ним относятся, например: а) генетическое родство; б) ареальные взаимоотношения (родственных и неродственных языков), обуславливающие общие ареальные черты, которые могут развиться в систему вторичных соответствий (языковой союз); в) общее влияние третьего языка (субстраты, внешнее влияние); г) исторические контакты, отражавшиеся в заимствованиях. Все факторы (за исключением случайности) порождают или могут породить регулярные соответствия, таким образом регулярность сама по себе не является критерием, с помощью которого можно было бы различать типы соответствий.

Необходимо разработать специальные методы исследования, а это особенно трудно в отношении алтайских языков, многие из которых не имеют древних языковых памятников и располагают довольно небольшим числом своих ветвей по сравнению с другими языковыми семьями. Ниже предлагается методика, большая часть приемов которой хорошо известна и используется в других отраслях исторической лингвистики, а некоторые из

¹ См.: А. М. Щербак, Об алтайской гипотезе в языкознании, ВЯ, 1959, 6; Дж. Клоусон, Лексикостатистическая оценка алтайской теории, ВЯ, 1969, 5; Н. А. Баскаков, Ареальная консолидация древнейших наречий и генетическое родство алтайских языков, ВЯ, 1970, 4; Л. Лигети, Алтайская теория и лексикостатистика, ВЯ, 1971, 3; Г. Дёрфер, Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики?, ВЯ, 1972, 3.

них привлекались также в алтайских исследованиях. Однако здесь эти методические приемы применялись в совокупности и на относительно однородном материале.

Одной из самых трудных проблем является разграничение общего наследия и древних заимствований. Те, кто придерживается точки зрения на заимствованный характер древнеалтайских соответствий, должны привести свои доводы. Несколько таких аргументов будет предложено ниже. Здесь будут рассмотрены, главным образом, чувашско-монгольские параллели и, в первую очередь, известные соответствия так называемого ротацизма и ламбдаизма, поскольку они принадлежат к гомогенной, с точки зрения фонологической, группе (конечно, подразделяемой на несколько хронологических и географических подгрупп, которые не всегда легко разграничить). Кроме того, эти соответствия, несомненно, относятся к более раннему периоду, нежели XIII в., и именно они рассматривались алтаистами как общее наследие. Со своей стороны, я не считаю их самым ранним общим фондом в алтайских языках.

Подчеркнем далее, что аргументы, приводимые ниже, разумеется, не могут быть признаны «абсолютными». Использование одного из них поможет только с большей или меньшей степенью вероятности отделить древние соответствия от заимствований. Но с показаниями совокупности этих аргументов, полученными в результате анализа значительного по своему объему материала, исследователь обязан считаться.

Этимологический аргумент. Если слово встречается в языках А и Б в регулярно соответствующих формах, но в языке А для него нет этимологии, тогда как его основа (и словопроизводный аффикс) могут быть найдены в языке Б, то это, скорее всего, заимствование в языке А из языка Б. Здесь всегда могут быть сделаны возражения, что основа слова и аффикс также существовали в языке А, но были там утрачены. Теоретически такая возможность не исключена; однако чем больше мы сможем представить примеров такого рода, что материалы для этимологии слов наличествуют в языке Б и отсутствуют в языке А, тем меньше вероятность «случайной» утраты соответствующих основ и аффиксов.

Рассмотрим несколько примеров ²: М *boγorla* «перерезать горло; задуть» ← ПБ *boγorla* < ПТ *boγaz* «горло»; М *ikire* «близнецы» ← ПБ *ikir* < ПТ *ekiz* «двойня» (о людях) < *eki* «два»; М *kiraya* «сумерки перед рассветом» ← ПБ *qiray* < *qiray* < ПТ *qiz-* «покраснеть»; М *türei* «голенище» ← ПБ *türei* < ПТ *tizei* < *tiz* «колено»; ПМ *uran* «мастер» ← ПБ *ur-* < ПТ *uz-* < *ü-* «уметь»; М *uγur* «ступка» ← ПБ *uγur* < ПТ *uγuz* < *uγ-* «крошить; молот»; М *aγurqai* «дыра, шахта» ← ПБ *aγur* < ПТ *aγiz* < *āγ* (Kašg.) «рот; щель; отверстие»; М *quluγubči* «шапка-ушанка» ← ПБ *quluγ* < ПТ *qulqay* «ухо», и др.

Семантико-исторический аргумент. Если слово встречается в языках А и Б в регулярно соответствующих формах, но имеет только одно конкретное или специализированное значение в языке А и в то же время гораздо более широкий круг значений в языке Б, то, вероятнее всего, что язык А заимствовал его из языка Б, хотя вполне возможно и другое объяснение, а именно — что вторичное ограничение значения могло произойти на почве языка А. Однако если число примеров с подобными семантиче-

² Ниже мы ограничиваемся приведением формы, которую мы считаем самой древней и которая восстанавливается на основе фактов данной языковой ветви. Эти реконструкции, однако, не могут быть отнесены к одному хронологическому уровню. Приняты сокращения: М — монгольский, Т — тюркский, тунг. — тунгусо-маньчжурский, ПБ — протобулгарский, ПМ — протомонгольский, ПТ — прототюркский, чув. — чувашский, ПТунг — прототунгусо-маньчжурский, ПА — протоалтайский, ДТ — древнетюркский.

скими соотношениями достаточно велико, то такие слова с большой долей вероятности можно рассматривать как заимствования в языке А из языка Б. Примеры: М *samsa* «крылья носа» ← ПБ *samsa* (> чув. *sämsa* «нос»); М *qulki* «внутреннее ухо», М *quluḡu* «ушная сера» ← ПБ *qulqaq* ~ *quluḡ* < ПТ *qulqaq* «ухо»; М *düli* «полдень, полночь» ← ПБ *dül* < ПТ *tüš* «время; место»; М *tölge* «гадание» ← ПБ *töläg* < ПТ *tüš* «сон»; М *siri-* «закаливаться» (о металле) ← ПБ *sir* < ПТ *siz-* «плавиться»; М *tala* «равнина, степь» ← ПБ *tal* < ПТ *taš/tiš* «внешняя сторона».

Свидетельство синонимов. Если два синонима обозначают один предмет в языке А и один из этих синонимов наличествует также в языке Б, то вполне возможно, что он является заимствованием в языке А. Конечно, могут быть возражения и здесь. Прежде всего, в языке нет абсолютных синонимов; в то же время синонимы могут разбиваться также в пределах одного языка. Тем не менее, при условии всестороннего анализа синонимов этот критерий также может быть применен для разграничения генетических соответствий и заимствований. Например: М *körü* «камень» и М *čila-yin* «камень» ← ПБ *til* < ПТ *tāš* «камень»; М *ḡilbi* «молозиво» и М *uḡuray* «молозиво» ← ПБ *uḡur* < ПТ *aḡuz* «молозиво»; М *elesün* «песок» и М *qumaki* «песок» ← ПБ *qumaq* < ПТ *qum* «песок»; М *sidüleng* «трехлетнее животное с полным набором зубов» и М *silüge* ← ПБ *šilüg* < ПТ *tišek* «зубастое животное»³; М *qasi* «железо» (< др.-кирг.) и М *temür* «железо» ← ПБ *temür* < ПТ *temür* «железо»; М *on* «год» (календарный) и М *ḡil* «год» (возраст) ← ПБ *jil* (< ПТ *yāš*) → ДТ *yil* «год».

Аргумент основного словарного фонда. Чем больше соответствий может быть найдено в основном словарном фонде языков А и Б, тем больше возможность их генетического родства. Естественно, что даже это положение не может быть принято безоговорочно. Основной словарный фонд имеет два определения: 1) слова, обозначающие самые элементарные реалии; 2) слова, употребляемые наиболее часто.

Элементарность и частота, однако, также исторически обусловлены, и скорость их изменения — вопреки мнению представителей школы глоттохронологии — отнюдь не постоянная. Мы также должны иметь в виду, что языки не обозначают один сегмент действительности одним и тем же словом, например, в одном языке слово «рука» обозначает часть конечности от кончика пальцев до запястья, а в другом — от кончиков пальцев до локтя. В некоторых языках одно и то же слово обозначает «синий» и «зеленый» (например, в древних тюркских и старовенгерском), в то время как в других языках (например, в русском, других индоевропейских, современных тюркских), имеются особые слова для обоих цветов и т. д. Имея это в виду, мы не можем применять лексикостатистическую методику, хотя и должны признать ее важность в привлечении внимания к историческому анализу основного словарного фонда.

Мы вправе полагать, что теоретически любое наудачу выбранное слово основного словарного фонда может оказаться заимствованным, но с точки зрения языковой истории существенно лишь свидетельство большого количества связанных между собой слов. Правильным методом является не показ того, что не соответствует в двух языках, а раскрытие природы соответствий. Если постоянные эквиваленты большинства основных слов, имеющих в языке Б, существуют в языке А, но они здесь не принадлежат к основному словарному фонду, то это обстоятельство можно рассматривать как весьма важный аргумент, подтверждающий, что эти слова заимствованные. В качестве примера приведем так называемый аргумент обозначе-

³ См.: А. R 6 n a - T a s, On the Chuvash guttural stops in final position, сб. «Studia Turcica», Budapest, 1971, стр. 396—397.

ния частей тела: ПТ *ayüz* «рот» → М *ayurqai* «дыра, шахта», но М *aman* «рот»; ПТ *baş* «голова» → М *tarbalji* «лысоголовая птица», но М *terigün* «голова»; ПТ *boğaz* «горло» → М *boğorla-* «перерезать горло; задушить», но М *qoğulai* «горло»; ПТ *čeke* «виски; лоб; кость с ямкой» → М *čege* «плоская часть лодыжки с ямкой», но М *čimarqai* «лоб»; ПТ *tiš* «зуб» → М *silüge* «животное с полным набором зубов», но М *sidün* «зуб»; ПТ *tiz* «колено» → М *türei* «голенище», но М *ebüdüg* «колено»; ПТ *adaq* «нога» → М *aday* «конец чего-либо», но М *köl* «нога»; ПТ *qıl* «волос» → М *kilyasun* «конский волос», *kilayana* «stipa glauca», но М *hüsün* «волосы»; ПТ *qaš* «бровь» → М *qalja* «украшение лба», но М *kömüske* «бровь»; ПТ *boyun* «шея» → М *boyčuyur* «высокоплечий», но М *küjügün* «шея»; ПТ *bilek* «запястье» → М *bilečüg* «браслет», но М *baγui* «запястье»; ПТ *burun* «нос» → М *buruntay* «возжи» (для верблюда), но М *qamar* «нос» (ср. чув. *sämsa* «нос» → М *samsa* «крылья носа»); ПТ *qudruq* «хвост» → М *qudurγa* «подхвостник», но М *segül* «хвост»; ПТ *qān* «кровь» → М *qana-* «пускать кровь», но М *čisun* «кровь»; ПТ *qulqaq* «ухо» → М *qulki* «внутреннее ухо», но М *čikin* «ухо», и т. п.

Характерная черта этого типа соответствий состоит в том, что тюркское слово, обозначающее ту или иную часть тела, в монгольском представлено в определенной форме, но имеет вторичное (или переносное) значение, а для обозначения той же части тела используется другое, собственно монгольское слово. В отдельных случаях можно допустить, что имело место развитие вторичного значения, но данные слишком очевидны, чтобы принять это предположение для всей приведенной группы.

Не исключены также случаи, когда фонетически схожие тюркское и монгольское слова семантически полностью совпадают: Т *qarī* «рука» — М *γar*; Т *topīq* «коленная чашечка» — М *toyīγ* < *toβīγ*; Т *bügrāk* «почка» — М *bögere*.

В этих примерах, однако, фонетический критерий подсказывает, что для монгольского это заимствованные слова. В случае тюрк. *qarī* ~ монг. *γar* непонятно, почему в тюркском имеется *-i* и почему он опущен в монгольском, ибо часто бывает как раз наоборот: монгольские слова имеют дополнительный гласный по сравнению с тюркскими (Т *tüš* — М *düli* «полдень»; Т *ikiz* — М *ikire* «двойня»). В примере Т *topīq* ~ М *toyīγ* монгольское слово показывает озвончение конечного, что может быть результатом эволюции и на монгольской почве (в монгольском сильный глухой согласный не может стоять в ауслауте). А в случае Т *bügrāk* ~ М *bögere* конечный *-k* в монгольском примере уже исчез, что напоминает чувашский тип развития, где звонкие гутуральные также исчезли (см. об этом ниже). О соответствиях Т *ü* ~ М *ö* также см. ниже). Слово *topīq*, несомненно, имеет тюркское происхождение и произведено от *top* «нечто круглое». Подчеркнем, что на заимствование и здесь указывает снова система слов, а не отдельные слова.

Аргумент числительных. Числительные также составляют часть основного словарного фонда. Тот факт, что у алтайских числительных обнаруживается крайне незначительное количество общих черт и практически нет соответствий, был замечен давно. Г. Рамстедт⁴ пытался разрешить эту проблему, предполагая, что тюркские языки разработали новую систему числительных в силу культурно-исторических и социальных предпосылок (в частности, потребностей, вызванных торговлей и развитием животноводства). Эта теория, которая не может быть доказана, содержит

⁴ G. J. Ramstedt, Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen, JSFO_u, XXIV:1, 1907; его же, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. II, Helsinki, 1952, стр. 62—67; Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание. Морфология, М., 1957, стр. 64—68. См. также последнюю по времени публикацию: Е. Р. Натан, On the Altaic numerals, «Studies in general and Oriental linguistics», Tokyo, 1970.

несколько противоречий. Во-первых, в тюркских числительных соответствия чув. *l* ~ Т *š* и чув. *r* ~ Т *z* встречаются очень часто (в нижеследующих примерах слово, приводимое перед его переводом, тюркское, после перевода — чувашское): *bēš* «пять» — *pilēk* < *bēl*; *sākir* «восемь» — *sakār* < *sākir*; *toquz* «девять» — *tāxār* < *toqur*; *altmīš* «шестьдесят» — *utmāl* < *altmīl*; *yetmīš* «семьдесят» — *šitmēl* < *jetmīl*; *yüz* «сто» — *šēr* < *jür*.

Согласно теории Рамстедта, в этих случаях чув. *r* и *l* сохранили первоначальную форму; однако ученый в то же время считает числительные поздним вторичным явлением. А это означает, что в истории тюркских языков *-r/-l* формы не обязательно унаследованы из протоязыка. Если это верно, существует теоретическая возможность того, что слова с *-r/-l* были заимствованы позже. Во-вторых, как мы увидим ниже, лексика развитого животноводства является в значительной степени общей как в тюркском, так и в монгольском языках. Если же принять объяснение автономной эволюции тюркских числительных потребностями животноводства и торговли, тогда остается непонятным, почему же эта эволюция не была синхронна с развитием животноводческой терминологии.

Были сделаны попытки доказать, что основы некоторых числительных существуют в обоих языках. Например, Рамстедт сравнивал Т *bīr* «один» и М *būri* «все, все, каждый», Т *toquz* «девять» и М *tokir* «с негнущимися (от судороги, холода) пальцами»⁵, но они не эквивалентны семантически. М *ikire* действительно соответствует Т *ikiz* < *eki(iki)* «два», но это животноводческий термин (первоначально оно означало двойню у животных); в этом случае в тюркском сохранилась основа слова (*eki* «два»), а в монгольском *ikire* является заимствованием. Итак, остается только один сомнительный пример тюркско-монгольских соответствий в области числительных: Т *tört*, М *dörben*, тунг. *dügün* «четыре».

Отсутствие соответствий у числительных, конечно, могло быть только доказательством против родства алтайских языков, если допустить, что алтайский протоязык существовал и тогда, когда развивалась система десятичных числительных. Если же предположить, что десятичная система не была развита ко времени распада алтайского протоязыка, тогда этот аргумент бесполезен в разрешении проблемы: родство или заимствование? Собственно, точнее было бы ставить эту проблему не так: являются ли алтайские языки родственными друг другу или нет, а по-другому: или алтайский протоязык распался очень рано, или же он не существовал вообще.

Аргумент местоимений. Личные местоимения также являются важной частью основного словарного фонда языка. Сопоставим три реконструированных системы:

	Тюркский	Монгольский	Тунгусский
«Я»	<i>bi~bän(män)</i>	<i>bi ~ min</i>	<i>bi ~ min</i>
«ТЫ»	<i>si ~ sän</i>	<i>ti ~ tin</i>	<i>si ~ sin</i>
«ОН, ОНА, ОНО»	<i>ol ~ an</i>	<i>i ~ in</i>	<i>ni ~ nin</i>
«МЫ»	<i>biz</i>	<i>ba ~ man</i> (экскл.) <i>bida</i> (инкл.)	<i>büä</i> (экскл.) <i>münti</i> (инкл.)
«ВЫ» (МН. Ч.)	<i>siz</i>	<i>ta ~ tan</i>	<i>süä</i>
«ОНИ»	<i>anlar</i>	<i>a ~ an</i>	<i>ti</i>

В алтайской системе местоимений наибольшее число соответствий приходится на 1 и 2-е лица ед. числа; известная соотносимость может быть замечена также в 3-м лице ед. числа (Т *ol* является вторичным, первоначально местоимение 3-го лица ед. числа, вероятно, было *i ~ in*); *n*-овые формы скло-

⁵ Г. И. Рамстедт, указ. соч., стр. 65—66.

няемых основ также соотносимы. Но во мн. числе наблюдается полное расхождение, причем не только фонетическое, но и морфологическое. В тюркском представлено мн. число на *-z* и *-lar*; в монгольском наблюдается явление, похожее на аблаут; в монгольских и тунгусских местоимениях 1-го лица мн. числа можно обнаружить эксклюзивные и инклюзивные формы, которые не имеют следов в тюркском. Итак, ясно, что в системе алтайских местоимений мн. число развивалось в отделившихся языках. В сепаратной жизни тюркского языка развилась форма мн. числа на *-z*, однако это случилось до распада тюркских языков, потому что в чувашском регулярно проявляется *-r*-соответствие (*epër* < *a* + *bir*; *esër* < *a* + *sir*). Этот факт наводит на мысль, что независимая жизнь алтайских протоязыков должна рассматриваться как долгий исторический процесс.

Культурно-исторический аргумент. Если данный комплекс терминов культуры, экономики и социальной истории совпадает в языках А и Б и если этот комплекс начал существовать позже, чем разделение общего протоязыка на языки А и Б, то можно предполагать, что рассматриваемая терминология была заимствована или в языке А, или в языке Б, или же в обоих этих языках. Разумеется, и здесь речь должна идти никак не об отдельных словах. Может легко случиться, например, что в двух родственных языках термин «молодой олень» превратится в термин «теленка», в этом случае мы должны считать это результатом конвергентного развития. Однако целый комплекс явлений может сделать факт заимствований очень вероятным, если доказательство недвусмысленно.

В тюркском и монгольском языках существует терминология высоко развитого животноводства, которая связывается регулярными фонетическими соответствиями. В приводимых ниже парах первое слово — тюркское, второе — монгольское: *ayuz* — *ıyırar* «молозиво»; *aşuq* → тунг. *alčuka* «кость лодыжки»; *azıy* — *araγa* «коренной зуб»; *biş-* — *büli-* «сбивать (масло)»; *buzar*, *buzarı* — *birarı* «теленка»; *boyazla-* — *boyorla-* «заколоть; задуть» (животное); *buγuz* — *mögüresün* «хрящ»; *eşkek* — *eljigen* «осел»; *ikiz* — *ikire* «близнецы, двойня»; *köşek* «молодой верблюд» — *gölüge* «щенок»; *otuz* «плечо» — *otıγıyın* «ключица»; *hököz* (ср. уйг. *hököz*, узб. *xўқиз*, гагауз. *yöküz*) — *hüker* «бык»; *qimiz* — *kimir* «кумыс»; *qozı* — *qıraqan* «ягненок»; *qaş* — *qaljan* «белое пятно на лбу животного»; *qazı* — *qarbing* «подбрюшный жир»; *qovış* — *qoyulai* «горло»; *tişek* — *silegü* «трехлетнее животное с полным набором зубов»; *süz-* — *sör-* «прийти с противоположной стороны» < «бодать»; *tüş* (ст.-уйг.) — *töl* «плод; приплод; потомок»; *yaş-* «прятать» — *dal* «укрытие для крупного рогатого скота»; *böz* — *boro* «серый» (о масти животных); *yayız* — *dayır* «бурый; олень»; *küz-* «бродить; ходить» — *kerü-* «бродить, странствовать»; *tāz* — *tar*, *taraqai* «лысый, лысая часть».

Вышеуказанные слова были подобраны с учетом явлений ротацизма и лабдаизма. Но факт заимствования происходит независимо от фонетической формы слова. Поэтому мы вправе ожидать подобной картины и в остальной части животноводческой терминологии, где ротацизма и лабдаизма не наблюдается. Итак, мы должны допустить следующее: или единство алтайского протоязыка сохранялось и тогда, когда появилось высокоразвитое животноводство, или эти слова должны считаться заимствованиями. Поскольку исторические и археологические исследования исключают возможность первого объяснения, следует принять второе. Эта возможность увеличивается, если принять во внимание то, что говорилось выше об основном словарном фонде. Помимо животноводческой терминологии, рассмотрим важные термины металлообработки в тюркском и монгольском (первый компонент пары — тюркский, второй — монгольский): *tarqan* «рабочий-металлист» (> титул) — *darqan*; *qoryaşun* «свинец» — *qoryoljin* «жез» «медь» — *jer* (*jebe*) (монг. *jes* более позднее заимствование); *süz-* «плавиться;

— *sire-* «закаливаться (о металле)»; *aŷiz* «рот; устье» — *aŷurqai* «шахта, рудник; дыра»; чув. *tuxlan* < *toqlan* «свинец» — *tuŷulŷan*.

Итак, лингвистические данные подтверждают то, что уже известно из истории: отдельные алтайские языки были уже развитыми в позднем бронзовом веке, и между ними существовали исторические контакты, что нашло отражение, между прочим, и в болгаро-тюркских заимствованиях в монгольском языке.

Аргумент иноязычных заимствований. Если два соответствующих слова имеются в языках А и Б и если можно доказать, что в языке Б это слово является заимствованием из третьего языка, тогда оно должно быть заимствованием и в языке А. В калмыцком языке имеется словосочетание *demŷ tāmkt⁶* «тюркский табак»; уже само значение подсказывает, что мы, по-видимому, имеем дело с заимствованием. В казахском и в новобурасском имеется слово *dāmsiz* «бесвкусный» (*dām* «вкус» + привативный аффикс *-siz*), оно встречается и в других тюркских языках. Основа этого слова — *dām* — арабского происхождения (араб. *t'am* «вкус»). Если оно является заимствованием в тюркских языках, то оно должно быть заимствованием и в калмыцком; вопрос только в том, каким образом *T-siz* превратился в калм. *-sir* > *-ŷt*. Это слово вошло в калмыцкий язык благодаря торговым связям, через посредство болгаро-тюркских купцов. В современном чувашском языке оно существует в форме *tēmsēr* < *temsir* (ср. татар. *tāmsez*), которая является производной от заимствования из арабского и образована при помощи чувашского привативного аффикса *-sēr* < *-sir*⁶. В калмыцком это слово может быть довольно новым, но во всяком случае оно не могло быть заимствовано после переселения калмыков на Волгу: во-первых, к этому времени начальный болгарский *d-* превратился в *t-*; во-вторых, болгарские купцы играли важную роль на Волге до XIII—XIV вв. (об этом может свидетельствовать, например, широкое распространение слова *bulŷari* «сорт кожи»). В монгольском, несомненно, есть слова болгарского типа, заимствованные благодаря торговым связям.

Но имеется также большое количество древних слов болгарского типа, заимствованных в более ранний период. *T*, *M*, тунг. *ŷez* ~ *jez* ~ *jes* «медь; бронза» — индоевропейского (тохарского) происхождения. *M jes* имеет также параллель болгарского типа в сочетании *jer jebe* «(бронзовое) оружие». И.-е. форма основы этого слова *ŷes* (лат. *aurum* < *ausum*, сабинск. *ausom*, литов. *ausas*, др.-прусс. *ausis*); оно проникло также и в уральские языки (**ueski* ~ **uaski*), откуда через южносамодийское и древнекиргизское посредничество попало в монгольский⁷ (др.-самодийск. *ŷes* > южносамодийск. *kŷas* → др.-кирг. *quas* → старомонг. *qasu*). Индоевропейская первоначальная форма доказывает, что здесь *T-z* является первичным по отношению к *M-r*, а так как это слово является в тюркском заимствованием, то оно должно быть заимствованием и в монгольском.

Аргумент лингвистической географии. Если языки А, Б и В генетически родственны, соответствия, унаследованные ими от общего протоязыка, должны быть распространены в них более или менее одинаково. Таким образом, когда в языках А и Б большое количество соответствий, которые не являются общими для языков Б и В, а в свою очередь Б и В имеют много соответствий, которые не являются общими для языков Б и А, и, наконец, если практически в языках А и В нет соответствий (или их очень мало), то, вероятнее всего, что эти соответствия — результат заимствований. В ли-

⁶ Ср. чув. *harsār* «старательный, смелый» от араб. *'ar*; *xalsār* «слабый, больной» от араб. *hal*.

⁷ См. об этом: L. Ligeti, Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, «Acta Orient. Hung.», I, 2, 1950; P. Aalto, Ein alter Name des Kupfers, UAJb, XXXI, 1, 1959.

тературе уже указывалось⁸, что именно так обстоит дело с тюркскими, монгольскими и тунгусскими языками. Имеется достаточное количество тюркско-монгольских и монгольско-тунгусских соответствий, но очень мало тюркско-монгольско-тунгусских и тюркско-тунгусских соответствий; к тому же большинство из тех, которые существуют, являются поздними заимствованиями. Эти соответствия точно согласуются с историко-географическим положением соответствующих языковых групп, так что возможность заимствования поддерживается и лингвогеографической дистрибуцией.

Аргумент фонемной системы. Языки А и Б родственны, если каждый элемент их древнейшей реконструированной фонемной системы совпадает. Реконструкция фонемной системы алтайских языков во многих отношениях все еще является дискуссионной (именно поэтому проблема внутренней реконструкции и вопрос об алтайском родстве неразделимы). Прежде всего бросается в глаза, что реконструируемые тюркская, монгольская и тунгусская фонемные системы существенно различаются между собой. Рассмотрим начальные согласные в этих трех системах:

	Тюркский	Монгольский	Тунгусский*
лабиальные	p^{-10} , $b-$	p^{-} , $B-$, $m-$	$p-$, p^{-} , $b-$, $m-$
дентальные	$t-$	t^{-} , $D-$, $n-$	$t-$, t^{-} , $d-$, $n-$
гutturальные	$k-$	k^{-} , $G-$	$k-$, k^{-} , $g-$, $\eta-$
аффрикаты	$\delta-$, $j- \sim y-$	δ^{-} , $D\check{Z}$	$\delta-$, $j-$, $\eta-$
спиранты		$y-$	$y-$
сibilанты	$s-$	$s-$	$s-$
латеральные			$l-$

Итак, рассмотренные три системы отличаются одна от другой по своей структуре: к тому же они несовершенны в самих себе, являясь результатом более раннего развития. Эти два обстоятельства наводят на мысль, что следует предполагать долгий путь индивидуального развития каждого протоязыка. Приведенные выше реконструкции являются древнейшими вероятными формами, которые восстанавливаются из диалектных данных и языковых памятников отдельных языковых групп. Эти реконструкции фонемных систем ранних, уже независимых языков отстоят друг от друга

⁸ См., например: Ligeti L., Az uráli és altaji nyelvek viszonyának kérdése, «A Magyar Tudományos Akadémia nyelv-és irodalomtudományi osztályának közleményei», IV, 1953, стр. 348 (отд. отт.).

⁹ Реконструкция прототунгусской фонемной системы идентична с системой, которую предложила В. И. Цинциус в своей «Сравнительной фонетике тунгусо-маньчжурских языков» (Л., 1949). Я предпочел бы только p^{-} вместо pj^h , постулируемого В. И. Цинциус, и k^{-} вместо ее kx^h . Наиболее трудным является вопрос о придыхательном t^{-} , который отсутствует в системе В. И. Цинциус. В. М. Иллич-Свитыч (см. его «Алтайские дентальные: t , d , δ », ВЯ, 1963, 6, стр. 51—52) предлагал: ПА $t-$ = тунг. $t-$; ПА $d-$ = тунг. $d-$, ПА $\delta-$ = тунг. $d-$, в то время как в «Опыте сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь», [I] (М., 1971, стр. 168) читаем: ПА t^{-} = тунг. $t-$; ПА $t-$ = тунг. $d-$, ПА $d-$ = тунг. $d-$. Возможно, что t^{-} и t совпали в тунгусском, а оппозиция сохранилась только в маньчжурском в таких случаях, как: маньж. *sunja* «пять» ~ тунг. **tun'-ŋ-a*, маньж. *san* «вытягивать» ~ другие тунг. **tan* или М *t'ergen* → маньж. *sefen* «повозка, телега», в то время как маньж. *terge* является поздним заимствованием (об этом последнем слове см.: L. Ligeti, Les anciens éléments mongols dans le mandchou, «Acta Orient. Hung.», X, 3, 1950, стр. 243).

¹⁰ После того, как были выявлены халаджск. $h-$ (см.: G. Doerfer, Khalaj materials, The Hague, 1971, стр. 163—167) и тибетская транскрипция др.-тюрк. $h-$ (см.: L. Ligeti, A propos du «Rapport sur les rois demeurant dans le Nord», «Études tibétaines dédiées à la mémoire de M. Lalou», Paris, 1971, стр. 188—189), не может быть сомнений в том, что в прототюркском был начальный согласный, который развился в $h-$. Вероятнее всего, это был $*p-$, хотя при этой гипотезе несколько вопросов остаются нерешенными. См.: Э. В. Севортян, К источникам и методам пратюркских реконструкций, ВЯ, 1973, 2, стр. 39—41.

на целый эволюционный период. Если исходить из предположения, что тунгусская система сохранила лучше всего основные черты древней алтайской фонемной системы, тогда сначала придется наметить в общих чертах путь, пройденный тюркской и монгольской системами до того, как они достигли указанной выше стадии. Необходимо попытаться восстановить относительную, а если это возможно, то и абсолютную хронологию этого процесса. И эта работа еще нам предстоит.

Сравнительная алтаистика доказала наличие очень старых соответствий между тюркской, монгольской и тунгусской системами начальных согласных, причем появились они, вероятно, раньше XIII в. Таковы соответствия тюрк. *j-/y- ~ монг. d-, j-, n-*; тюрк. *t- ~ монг. t-, d-*.

Вопрос в том, к какому времени эти системы начального консонантизма отнести? И принадлежат ли они одному хронологическому пласту? Согласно утверждению сторонников алтайской гипотезы, они относятся к одному периоду, и соответствия возводятся к общему протоязыку. Противники генетического родства алтайских языков полагают, что слова, в которых представлены указанные соответствия, заимствованы монголами из древнетюркского языка. Если это верно, мы должны предположить, что тюркский язык — источник заимствований — имел более богатую систему начальных согласных, чем реконструированная выше.

Сама рассмотренная подсистема наводит на мысль, что инвентарь тюркских начальных согласных был, несомненно, богаче (отсутствие в этой подсистеме звонких зубных, гортанных и носовых звуков).

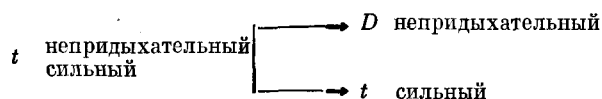
Единственным затруднением является то, что выдвинутые соответствия противоречивы. М *d-* соответствует как Т *y- ~ j-*, так и Т *t-*. Например, Т *yayız ~ М dayir* «коричневый; олень»; Т *tüš ~ М düli* «полдень». Это противоречие можно разрешить двумя путями. Во-первых, предположить, что в алтайском протоязыке были три зубных фонемы: $T_1 = М, Т t-$; $T_2 = М d- ~ Т t-$; $T_3 = М d- ~ Т y- ~ j-$ ¹¹. Во-вторых, допустить, что различные соответствия относятся к нескольким пластам заимствований. Во втором случае приходится предположить, что язык — источник заимствований — подвергся развитию, в то же время монгольский показывает два различных этапа этого развития: $Т d' \rightarrow М d-, Т d' > j \rightarrow М j-, Т ñ \rightarrow М n-, Т ñ > j \rightarrow М j-$.

Первое из этих соответствий могло восходить к протоязыку, но могло также возникнуть и за счет заимствования, второе же из этих соответствий не может быть ничем иным, как заимствованием. Второе предположение может быть доказано теми фактами, когда одно слово заимствовалось монгольским языком из тюркского дважды. Такие случаи редки, но не беспрецедентны: Т *d'eg* «лучший» $\rightarrow$ М *dege-dü* «верхний»; Т *d'eg > jeg* $\rightarrow$ М *jegü-* «поднимать»; Т *n'äl* «молодой» $\rightarrow$ М *nilqa* «молодой»; Т *n'äl > jal* $\rightarrow$ М *jalaγun* «молодой».

Эта гипотеза дает ответ на вопрос, почему иногда монг. *d-* и *j-* противопоставлены тюрк. *y- < d'-*, но не объясняет, почему в монгольском появляется то *d-*, то *t-* как соответствие тому же самому тюрк. *t-*. В тюркском *t-* был непридыхательным глухим взрывным звуком, в то время как в монгольском он был придыхательным глухим взрывным звуком, противопоставленным глухому непридыхательному слабовзрывному: $[t'] : [D]$. Итак, тюрк. *t-* соответствует монгольскому *t-* как глухой сильный и в то же время монгольскому *d-* как непридыхательный. В итоге возникает возможность двойной субституции фонемы. Двойственное соответствие также может быть

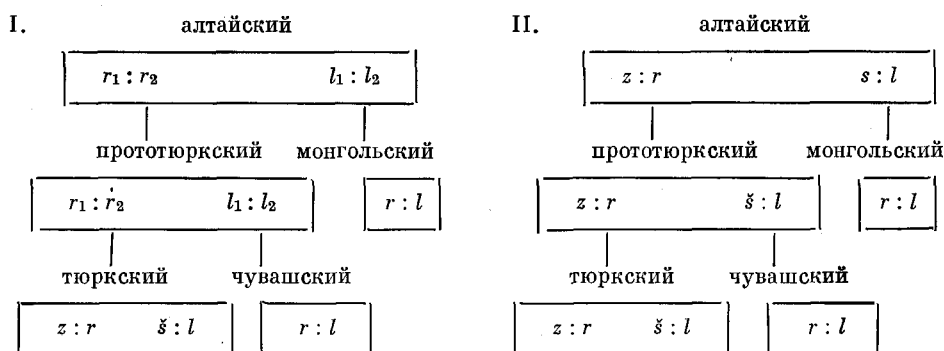
¹¹ См.: Z. Gombocz, Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen, KSz, XIII, 1912—1913, стр. 22—37; В. М. Илич-Свитыч, Алтайские дентальные: *t, d, ð*, стр. 37—56.

объяснено различием тюркской и монгольской консонантных систем, а не только древним единством этих двух систем:

Система начальных согласных трех протоязыков различается также другими своими аспектами, причем отдельные начальные консонанты не имеют вообще никакой аналогии. Так, монгольские слова с начальным m - можно разделить на две группы. В одной из таких групп m - произошел из более древнего b - под влиянием последующего носового: $T\ biŋ > mŋ \rightarrow M\ mingyan$ «тысяча»; $T\ bi$ «я» $> min$ (склоняемая основа). В словах второй группы нет носового во втором слове. В этой группе ни одно из слов не имеет тюркской параллели. Следовательно, если допускать существование общего тюрко-монгольского протоязыка, то необходимо объяснить, откуда развился $M\ m$ - и во что превратился первоначальный звук в тюркском¹².

Из вопросов о неначальных согласных остановимся лишь на многократно обсуждавшейся проблеме ротацизма и ламбдаизма. Здесь также существуют две противоположные точки зрения, которые можно продемонстрировать в виде двух схем, которые не показывают никаких фонологических различий, отличаясь одна от другой только фонетически¹³:

Из обеих схем видно, что в алтайском протоязыке имелись две оппозиции, в то время как в чувашском и монгольском только одна. Итак, с точки зрения фонологической в чувашском и монгольском представлена инновация, в то время как тюркский сохранил старую систему. При этом возникает вопрос, происходили ли отдельно и независимо чувашский и монгольский процессы или же нет.

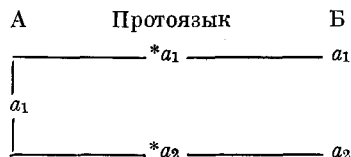
¹² Н. Поппе (см.: N. P o p p e, Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, Tl. 1, Wiesbaden, 1960, стр. 34—36) полагает, что протоалтайский m - «...хуже всего сохранился в тюркских языках». Он также заметил, что m - перед носовыми является вторичным, таким образом он предполагает развитие $m > b > m$, но добавляет: «Во многих случаях довольно неясно, представлен ли в соответствующем корне первоначальный или вторичный m ». Поппе привел восемь примеров монгольско-тюркских соответствий, в шести из которых за начальным b - следует носовой гласный звук. Компонент $meriyen$ в $M\ eriyen$ - $meriyen$ «разноцветный, пестрый» является словом-эхо и не имеет ничего общего с $T\ bāzā$ - «украшать». Единственное оставшееся соответствие — $PT\ bīqī$ «бедро, бок» $\sim M\ miqa$ «мясо» — вызывает семантические и фонетические трудности при его объяснении. В то же время существует много обоснованных соответствий $M\ m$ - $\sim$ тунг. m -.

¹³ См. об этом: А. Р ó н а - Т а ш, указ. соч., стр. 396.

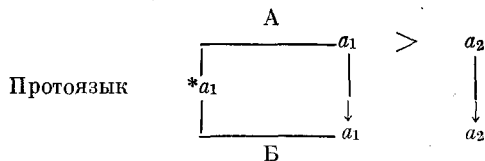
Если иметь в виду другие характерные черты, общие для монгольского и чувашского языков, возможность независимого развития должна быть признана незначительной. Но если эти два параллельных изменения связаны между собой и они не консервируют древние алтайские черты, а являются инновациями, тогда они должны быть результатом исторических контактов. Здесь могут быть предложены несколько гипотез, объясняющих, каким образом возникли эти чувашско-монгольские общие черты. Можно допустить, что в монгольском двойной оппозиции никогда не было, и в результате долгого чувашско-монгольского сосуществования чувашский также утратил одну из оппозиций. Не исключено, однако, что обе оппозиции когда-то были представлены и в монгольском, а изменение в двух языках произошло одновременно. И, наконец, можно принять во внимание влияние третьего языка (= субстрата). В любом случае явление ротацизма и ламбдаизма доказывает, что задолго до XIII в. существовала тесная связь между предшественниками чувашского и монгольского языков, что и отражается в заимствованиях.

Аргумент исторической фонологии. Если фонема языка А имеет два регулярных соответствия в языке Б, то этому факту могут быть даны следующие два объяснения.

1. Фонема a_1 в языке А является результатом конвергенции двух старых фонем a_1 и a_2 :

2. Можно допустить развитие (историческое, диалектное или то и другое) $a_1 > a_2$ в языке А. В этом случае фонема a_1 в языке Б может быть наследием или заимствованием, но синхронная фонема a_2 в языке Б может быть только заимствованием.

Следует принять то объяснение, которое подтверждается и другими аргументами.

Между тюрко-монгольскими губными гласными обнаружены следующие типы соответствий:

Тюрк.	Монг.	Тюрк.	Монг.
ö	ö	öŋüz	önggür
ō	ū	höküz	hükür
ü	ü	küzen	kürenе
ü	ö	küvez	köger
		«налет»	
		«бык»	
		«хорек»	
		«гордый»	

Здесь также можно предположить четыре алтайских передних губных¹⁴, но можно допустить и следующие соотношения: $T \ddot{o} \rightleftharpoons M \ddot{o}$; $T \ddot{o} > \ddot{u} \rightarrow M \ddot{u}$; $T \ddot{u} \rightleftharpoons M \ddot{u}$; $T \ddot{u} > \ddot{ö} \rightarrow M \ddot{ö}$.

¹⁴ Г. Дёрфер (см. его «Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen», 1, Wiesbaden, 1967, стр. 99) предполагал в прототюркском шесть губных: *o, ɔ, u, ö, ǫ, ü*. О тенденции сужения см. также: G. D o e r f e r, Ein Kompendium der Türkologie, UAJb, 40, Hf. 3—4, 1968, стр. 244.

Последнее решение подтверждается тем фактом, что в группе тюркских языков (в чувашском и некоторых кыпчакских) могут происходить переходы $\ddot{o} > \ddot{y}$ и $\ddot{y} > \ddot{o}$, т. е. сужение открытых гласных и, наоборот, сокращение и расширение узких.

Другой пример — тюркский конечный *-k* имеет два эквивалента в монгольском: а) Т *-k* (*kök* «синий») → М *-k* + V (*köke*); б) Т *-k* (*ingek* «корова») ~ М *-g* + V (*ünige* > *üniye*). Здесь также можно предположить существование двух **-k* в алтайском протоязыке, один из которых совпал с монгольским **-g*. Но это предположение можно подтвердить только исходя из алтайской гипотезы, которая сама, как известно, требует доказательства. Аналогичные два соответствия наблюдаются в чувашском: Т *kök* > чув. *kăvak*, но Т *ingek* > чув. *ëne*. Мы знаем, что в этом случае чувашский конечный *-g* исчез, превратившись предварительно в спирант, следы которого остались в венгерском: др.-чув. *ineγ* → венг. *üney* > *ünb*. Здесь можно допустить следующее развитие: Т *-k* ≅ М *-k* + V; Т *-k* > *-g* (> *-γ* > $\emptyset$) → М *-g* + V¹⁵.

Что М **ünige* является заимствованием, подтверждается не только тем фактом, что М *-g* показывает более позднюю болгарскую *g*-стадию. В тюркском протоязыке в середине слова часто имеется звук *-g*, который в чувашском, как и в некоторых других тюркских языках, утрачен. Например: Т *qazıuq* > др.-чув. *qarıu* → венг. *karb* «кол», Т *qāzıyan* > др.-чув. *qaran* > чув. *xуран* «котел». Тот же *-g* исчез в слове *ingek* как в монгольском, так и в древнечувашском (→ венгерском); разумеется, не существует он и в современном чувашском. Монгольский, следовательно, отражает форму, более развитую, чем в прототюркском, причем даже в двух отношениях.

Мы видели, что первоначальный *-k* стал звонким *-g*, затем — спирантом, а позднее исчез вообще, как и первоначальный *-g*. Этот процесс прослеживается и в монгольском; ср., например: Т *bögrek* «почка» → М *bögere*, Т *bürtük* «крошка» → М *börtü*, Т *köbek* «пуп» → М *küyi-sän* < *kübi*, Т *köpek* «пена» → М *köge-sän*, Т *qarsaq* «стенная лиса» → М *kirsa*.

Анализ приведенных выше примеров показал, что несмотря на большие трудности, вызванные объективными и субъективными условиями изучения алтайских языков, мы располагаем методами для доказательства того, что монгольский язык имел тюркские заимствования раньше XIII в. Важно подчеркнуть, что это доказывается не анализом изолированных слов и не использованием разрозненных аргументов, а взятыми в системе соответствиями и аргументами, которые усиливают друг друга.

Многие из рассмотренных слов подходят почти под все сформулированные выше аргументы; например, М *üniye* (фонетические аргументы: ПТ *-k* ~ М *-gV*, ПТ *-g* ~ М $\emptyset$; географический аргумент: отсутствие слова в тунгусском; исторический аргумент: слово принадлежит к терминологии развитого скотоводства) или *hüker* (фонетический аргумент: ПТ *-ö* ~ М *-ü*; фонемная структура: ПТ *-z* ~ М *-r*; иноязычное происхождение слова: тохар. → Т → М; исторический аргумент: слово принадлежит к терминологии развитого скотоводства).

Примеры можно было бы умножить, но, думается, картина уже ясна. Тюркские заимствования в монгольском до XIII в. вполне определенно свидетельствуют о том, что заимствовались они из множества различных тюркских языков в различные исторические периоды. Одним из тюркских языков — источников подобных заимствований должен был быть язык, принадлежащий к чувашско-болгарской группе. Надо думать, что после-

¹⁵ См.: А. Р о н а - Т а ш, указ. соч., стр. 224.

дующие исследования выявят еще больше пластов древних булгаро-монгольских контактов.

Роль гипотез. Как известно, наука не может существовать без гипотез, которые она стремится обосновать и превратить в доказательные законы. Одной из основных ошибок современной алтаистики является то, что она занимается очень многими гипотезами одновременно, причем это характерно особенно для тех исследователей, которые разделяют идею генетического родства. Проиллюстрируем это лишь двумя примерами.

В своем весьма полезном этимологическом словаре М. Ряснен предложил следующие соответствия¹⁶: Т *aγil* «загон» ~ М *ayil* «соседний шатер» ~ маньчж. *falga*, *falka* «семья», «деревня», «улица» ~ венг. *falu* «деревня» ~ хант. *pōγäl*, манс. *pāβl*.

Но чтобы принять это урало-алтайское соответствие, нужно допустить, по крайней мере, 11 гипотез: 1) угорское слово должно быть уральского происхождения, хотя слово встречается только в венгерском, мансийском и хантыйском; 2) мы должны допустить метатезу *l* и *γ* в венгерском или в обско-угорских языках; 3) если в венгерском была эта метатеза, тогда обско-угорская форма должна была сохранить неизменной форму уральского протоязыка; 4) рассматриваемое слово, имея такую структуру, не может представлять собой непроемную основу; если же это производное слово, то мы должны предположить, что оно было сформировано во времена урало-алтайского единства; 5) но в этом случае должны быть выделены основа и суффикс; 6) если уральская протоформа была такова, то придется также допустить метатезу *-l* и *-g* в маньчжурском; 7) М *ayil* могло развиваться из более древнего *aγil*; допустить форму *paγil* было бы возможно только при ср.-монг. *hayil* и монгорск. *xaγir*; но на самом деле в среднемонгольском имеем *ayil*, а в монгорском *ayir*; 8) чтобы преодолеть эту трудность, можно было бы считать монгольское слово заимствованием из тюркского (что очень вероятно), но тогда из цепи доказательств выпадает один из членов алтайского единства, и нам опять придется объяснить, почему слово исчезло из монгольских языков и почему они должны были заимствовать его; 9) если маньчж. *falga* и *falka* считать результатом метатезы (*falga* < *faliγ* < *paliγ* < *paγil*), тогда следует отделить это слово от маньчж. *falan* «закрытое пространство», «округ» и от нанайск. *palan* «пол»; 10) в этом случае придется исключить возможность того, что маньчжурское слово является членом большого гнезда слов со значением «плоское место» и связано с тунг. **palyan* «ладонь», также родственным М **palayan* > *halayan* > *alayan* (то же). Если же оно относится к этому гнезду слов, тогда корень здесь **pal*, и все соответствие окажется несостоятельным; 11) тюркское слово следовало бы тогда отделить от гнезда слов *aγ-* «поднимать», *aγit*, *aγiš* «высота», что было бы очень трудно, потому что первоначально слово означало «забор, огораживающий животных», «каменное укрытие, воздвигаемое для защиты от ветра» и т. д.

Уже теперь можно было бы принять во внимание одну или две из названных гипотез; возможно также, что некоторые из них будут доказаны в ходе дальнейших исследований. Тем не менее, очень рискованно иметь дело сразу с таким множеством гипотез.

В. М. Иллич-Свитыч в посмертно опубликованной работе «Опыт сравнения ностратических языков» представил очень важные и новые для алтаистики результаты¹⁷, хотя его итоговые заключения не во всем убед-

¹⁶ М. R ä s ä n e n, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen, I, Helsinki, 1969, стр. 8.

¹⁷ «Опыт сравнения ностратических языков», [I], М., 1971, стр. 254. Иллич-Свитыч был одним из ученых, глубоко понимавших фундаментальные проблемы сравнительного изучения алтайских языков. Он писал (там же, стр. 69): «Родство трех алтай-

тельны. В частности, пытаюсь установить родство, например, М *ora* «войти» и Т *ör* «подниматься», по необходимости он вынужден был принять следующие гипотезы.

1) В алтайском протоязыке не было гармонии гласных; 2) противопоставляемая монгольской форме древняя монгольская форма была не *oro*-, а *ora*-, потому что Иллич-Свитыч исходит из ностратической формы *Horä*; 3) в монгольском имело место семантическое развитие «подниматься» > «войти»; 4) или М *örni* «расти» не связано со всеми названными словами, или это тюркское заимствование, или же существовало древнемонгольское развитие (или «вариация») *ora* > *ör*-; 5) в этом последнем случае придется также допустить различие в значениях монгольских слов-пар; 6) М *üre* «семя; плод; растение» или не относится к этому гнезду слов, или это заимствование; 7) или долгий гласный в туркменском глаголе *ör*- «расти» не отражает древний долгий гласный, или в монгольском произошло вторичное сокращение, потому что в монгорском, по мнению В. М. Иллича-Свитыча, древняя алтайская долгота должна была сохраниться, а в форме *иго*- гласный является кратким; 8) нанайск. *ouā* «верх» восходит к форме **ora*, но оно не родственно следующим тунгусским словам: эвенк. *oyo*, негидальск., ульч., уд., орокск. *oyo*, эвенск. *ou*, маньж. *oyle* «верхняя часть»; 9) долгий гласный *ā* в нанайск. *ouā* является результатом вторичного удлинения; 10) баргуз. *oro*- «войти», «вторгнуться» — не монгольское заимствование.

Помимо того, нельзя забывать, что постулированное исследователем родство рассматриваемого алтайского слова с индоевропейскими и дравидийскими формами само по себе требует новых гипотез.

В то же время было бы ошибкой отрицать, что эти гипотезы возбуждают мысль и полезны именно этим, однако всегда существует опасность, что они не помогут алтаистам обнаружить реальные связи.

Родственны ли алтайские языки генетически? После того как первоочередная, на наш взгляд, задача отграничения заимствований от общего наследия будет выполнена, появится возможность ответить на вопрос: останутся ли такие алтайские соответствия, которые являются более ран-

Алтайские		Прототюрк.	Протомонг.]	Прототунг.
<i>amṭa</i>	«отверстие»	<i>an</i> ~ <i>aγ</i>	<i>angga*</i> ~ <i>aman</i>	<i>amṭa</i>
<i>boγ</i> ~ <i>boγ</i>	«узел», «кость»	<i>boγ</i>	<i>boγi**</i>	<i>moγgo]</i>
<i>top</i>	«пыль, земля»	<i>top</i> ~ <i>toγ</i>	<i>toγo***</i>	<i>toba</i> ~ <i>toka</i>
<i>teγ</i>	«равный»	<i>teγ</i>	<i>teng(ge)****</i>	<i>teγ</i>
<i>sa-</i>	«думать»	<i>sa-</i>		<i>sa-</i>
<i>qa-</i>	«соединяться»	<i>qa-</i>		<i>ka-</i> ¹⁸
<i>al-</i>	«взять»	<i>al-</i>		<i>al-</i>
<i>d'a-</i>	«класть»	<i>ya-</i>		<i>da-</i>

Примечания. *М *ayurqai* является заимствованием из ПБ *ayir* < *ayiz* < *aγ*.

**М *boγorla* «перерезать горло, задушить» является заимствованием из ПБ *boγor* < *boγaz* < *boγ*.

***М *toro* «пыль» (< ПБ *tōr* < *tōz*) и *tobraγ* «пыль, земля» (< *toprag* < *top*) являются заимствованиями.

****М *tenggis* «море» — заимствование (< *teγiz* < ? *teγ*).

ских языковых групп, несомненно, является весьма отдаленным. К такому выводу приводит, в частности, анализ основного словарного фонда соответствующих языков и глоттохронологическое исследование. Алтайская языковая общность, по-видимому, распалась значительно раньше других пяти больших языковых общностей, сравниваемых в этой работе. Примечательно, что большинство этимологий, признаваемых сторонниками генетического родства алтайских языков, не принято В. М. Иллич-Свитычем, и не без основания.

¹⁸ Ср.: И. В. Кормушин, Лексико-семантическое развитие корня **qa* в алтайских языках, сб. «Тюркская лексикология и лексикография», М., 1971, стр. 9—29.

ними, чем древнейшие заимствования? В настоящее время было бы преждевременным отвечать определенно на этот вопрос, но не хотелось бы исключать возможность такого «остатка»; при этом следует сослаться на выше перечисленные соответствия (см. стр. 44).

Теоретически можно допустить, что: 1) такие соответствия не будут очень многочисленными; 2) соответствия будут действительны только для корневых морфем (ср. примечания *—****); 3) мы вправе предположить такие соответствия, которые не всегда согласуются с фонетическими правилами, постулированными до сих пор. Например, Т *beŋi* ~ М *p'eki* ~ тунг. *p'eki* «голова» не является «регулярным» из-за *b*- в тюркском.

В заключение подчеркнем: если алтайские языки генетически родственны, то доказывается это не на основании соответствий, а вопреки соответствиям, приводимым до сих пор в пользу алтайской гипотезы. Важнейшей задачей в изучении алтайских языков в историческом плане и условием для разрешения проблемы генетического родства алтайских языков является исследование исторических контактов в течение периода между началом второго тысячелетия до н. э. и началом второго тысячелетия н. э.

Перевел с английского В. С. Сергеев